

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М.А. ГУЛЯЕВА
(Волгоград)

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ИЗУЧЕНИЯ ВОВЛЕЧЕННОСТИ
В КОММУНИКАЦИЮ***

Вовлеченность в коммуникацию трактуется как степень когнитивной и поведенческой задействованности в коммуникативном процессе. Исследуемый феномен тесно связан с такими понятиями, как «коммуникативная компетенция» и «позитивная коммуникация», являясь структурной составляющей обоих и, таким образом, становясь ключевым в вопросах эффективной коммуникации и человеческих взаимоотношений. Рассмотрена степень изученности проблемы.

Ключевые слова: *вовлеченность в коммуникацию, коммуникативная компетенция, позитивная коммуникация, межличностное общение.*

Вовлеченность в коммуникацию трактуется как степень когнитивного и поведенческого участия в коммуникативном процессе. Данное понятие рассматривается как противоположное явлению отказа от общения [3], где срабатывает механизм обратной векторной направленности. Если отказ от общения направлен на прерывание коммуникации или ее избегание, то цель вовлеченности – поддержание общения. Исследуемый феномен тесно связан с такими понятиями, как «коммуникативная компетенция» [13; 8; 11] и «позитивная коммуникация» [4], являясь структурной составляющей обоих и, таким образом, становясь ключевым в вопросах эффективной коммуникации и человеческих взаимоотношений. Было проведено несколько исследований поведения людей с низким уровнем коммуникативной ком-

петенции. Все они показали, что неумение или нежелание быть вовлеченными в коммуникацию ведет к отчуждению, психическим заболеваниям и одиночеству [15] (цит. по: [3, р. 463]). Это позволяет говорить об актуальности проблемы и необходимости ее дальнейшей разработки. Настоящая статья посвящена степени изученности проблемы и перспективам ее исследования.

С целью выявления распространенности понятия «вовлеченность в коммуникацию» был проведен контент-анализ англоязычных и русскоязычных контекстов, в которых оно используется. Результаты такого исследования позволяют предположить, что изучаемое явление не обладает высокой степенью популярности в России, в отличие от западных стран и США. Поиск на англоязычных сайтах обнаружил 133 млн результатов, в то время как популярная русскоязычная система поиска показала только 3 млн. Такая значительная разница объясняется, на наш взгляд, низкой степенью изученности проблемы в России. Нам не удалось найти ни одного отечественного лингвистического исследования, посвященного вопросам вовлеченности в коммуникацию. Оно фигурирует в психологии и социологии, часто используется в Интернете на сайтах о маркетинге, корпоративной культуре, интернет-коммуникации и подразумевает поглощенность каким-либо занятием, участие, заинтересованность. Например, публикации «Интенсивность вовлеченности россиян в интернет-коммуникацию», «Что такое вовлеченность персонала и почему она важна», «Вовлеченность в работу улучшает производительность», «Маркетинговая концепция вовлечения покупателей» и др. Особое внимание уделяется темам, связанным с построением и развитием бизнеса, формированием корпоративной культуры, где понятие вовлеченности фигурирует как одна из основных характеристик качественных коммуникаций внутри организации. Под такой вовлеченностью понимается оперативная реакция на сообщения, инициативность и готовность к сотрудничеству. Вышеупомянутые контексты едва ли могут послужить теоретическими основаниями для

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-34-00016 «Позитивная коммуникация в контексте современной российской лингвокультуры».

изучения данного вопроса с точки зрения лингвистики.

В англоязычных источниках феномен вовлеченности в коммуникацию фигурирует в качестве лингвистического термина и освещен достаточно широко с теоретической точки зрения, что говорит о его актуальности и популярности. Проблеме вовлеченности в интеракцию (*interaction involvement*) посвящена масса научных трудов известных американских исследователей [12; 16; 18; 6; 11; 7; 5]. В учебниках по межличностной коммуникации понятие вовлеченности упоминается в качестве одной из ступеней развития взаимоотношений, когда партнеры стараются узнать больше друг о друге [12; 19; 20].

В учебниках по межличностной коммуникации понятие вовлеченности упоминается в качестве одной из ступеней развития взаимоотношений, когда партнеры стараются узнать больше друг о друге [12; 19; 20].

Д. Девиито выделяет вовлеченность как один из основных принципов эффективной коммуникации. Вовлеченность, наряду с позитивностью, открытостью, поддержкой, интересом, правдой, ценностью и равенством, является неотъемлемой частью на пути к успешному общению. Вовлеченность понимается Д. Девиито как активное участие во взаимоотношениях. Присутствие не играет первостепенной роли. Вовлеченность представляет собой активное участие в жизни человека, но не вмешательство. Под вовлеченностью также понимается поведение в конфликтной ситуации, когда вместо избегания коммуникации активно слушают партнера, ищут пути разрешения конфликта [12].

Американский социолог И. Гофман детально описал феномен вовлеченности в интеракцию: «Вовлеченность есть психобиологический процесс, в котором субъект перестает, по крайней мере частично, сознавать направления своих переживаний и познавательного внимания. Это, собственно, означает сосредоточенность, поглощенность делом (*engrossment*)» [1, с. 436]. Хотя вовлеченность, описываемая Гофманом, не является лингвистическим понятием и, раскрывая его сущность, исследователь не всегда подразумевает коммуникативный процесс (скорее, любую деятельность), некоторые его изыскания представляют для нас особый интерес, т. к. могут быть спроецированы на коммуникативный процесс и подвергнуты анализу в перспективе исследования. Такие понятия, как *степень вовлеченности (избыточная или недостаточ-*

ная, высокая или низкая), изображение вовлеченности, отчуждение от взаимодействия или неадекватная вовлеченность, показная вовлеченность и щит от вовлеченности (involvement shield), могут быть рассмотрены в рамках нашего исследования [2, с. 142].

Не менее важными представляются изыскания американского исследователя Д. Сигалы, который причисляет вовлеченность в интеракцию к одной из когнитивных составляющих коммуникативной компетенции [8, с. 109]. По его мнению, само понятие вовлеченности в интеракцию происходит из определения коммуникативной компетенции. Существует множество подходов к трактовке данного понятия, однако в целом коммуникативная компетенция предполагает знание о том, как и когда использовать язык в социальном контексте. Компетентный коммуникант способен добиться своих целей в рамках принятых обществом норм поведения, т. е. без утраты своего лица и нанесения вреда лицам других. Отсюда возникает вопрос, какие когнитивные и поведенческие факторы причастны к способности человека общаться таким образом. Размышляя на эту тему, Сигала ссылается на изыскания Гофмана о восприимчивости и внимательности [13, с. 13]. Под восприимчивостью понимается взаимная интерпретация сообщений, переданных во время коммуникативного акта, т. е. осознание того, что происходит. Восприимчивость предполагает внимательность к источнику информации, т. е. к человеку, с которым происходит взаимодействие. Отсутствие длительной внимательности делает восприимчивость невозможной, поэтому эти два понятия являются фундаментальными для компетентного общения. Существует малая вероятность того, что без них коммуникант мог бы адекватно выбирать стратегии поведения. Термин «вовлеченность в интеракцию» используется Д. Сигалой в отношении общей тенденции человека демонстрировать внимательность и восприимчивость во время интеракции. Следовательно, вовлеченность в интеракцию, по мнению Д. Сигалы, можно считать фундаментально важной когнитивной составляющей коммуникативной компетенции. Само же понятие вовлеченности в коммуникацию трактуется им как «степень, до которой индивидуум принимает участие в социальной среде» [8, с. 112], где «принимать участие в социальной среде» означает, что сознание человека направлено на себя и на партнера. В этом случае принимается во внимание как поведение собеседника, так и то, как

собеседник воспринимает сам себя. Предположительно, когда человек вовлечен в интеракцию, его сознание в первую очередь направлено на себя самого и на другого. Исходя из этого, можно сказать, что вовлеченность состоит из физического и эмоционального поведения коммуниканта в самом фундаментальном смысле. Когда люди сильно вовлечены, они соотносят свои внутренние чувства, мысли и опыт с предметами и обстоятельствами определенной ситуации общения. Низкая степень вовлеченности имеет место, когда сознательное внимание направлено на внутренние чувства и человек не полностью участвует во взаимодействии. Сигала разработал шкалу вовлеченности в интеракцию, где уровень вовлеченности измеряется по трем основным параметрам – внимательность, восприимчивость и реагирование, которые и являются, по мнению исследователя, составляющими вовлеченности в интеракцию.

Не менее весомый вклад в изучение вовлеченности в коммуникацию внесли Д. Бургун и Д. Кокер, сформулировав свое теоретическое обоснование данного понятия. Важно отметить, что исследователи используют иной термин, намеренно сужая понятие *conversational involvement* (вовлеченность в разговор), обосновывая свой выбор тем, что *interaction involvement* (вовлеченность в интеракцию) может подразумевать не только диалог, но и любое другое взаимодействие (как, например, совершение покупки в магазине). Д. Бургун трактует вовлеченность в коммуникацию как «степень когнитивной и поведенческой задействованности в разговор, отношения и / или ситуацию» и считает ее основной составляющей любой коммуникативной транзакции, от которой зависит ее успех [11, с. 463]. В своей статье «Природа вовлеченности в коммуникацию и невербальные модели поведения» А. Кокер и Д. Бургун называют пять структурных составляющих исследуемого феномена: спонтанность, управление интеракцией, экспрессивность, социальное беспокойство (*social anxiety*), альтерцентризм (*altercentrism*), предлагая подробное описание каждой. Исследование позволило выявить специфические средства выражения вовлеченности и невовлеченности в коммуникацию.

В работе «Вовлеченность в лингвистической практике» Н. Бесниер скептически подходит к данному явлению, обосновывая это тем, что само понятие «вовлеченность» достаточно емкое и обширное и, несмотря на частое его упоминание в научной литературе в качестве

аналитической единицы, оно не имеет четкого определения [6, с. 279–299]. В подтверждение своих слов исследователь приводит в пример определение, данное Д. Таннен, где вовлеченность – «это постоянная эмоциональная связь, которая объединяет и привязывает людей друг к другу, к местам, вещам, занятиям, идеям, воспоминаниям, словам» [17, с. 12]. Н. Бесниер указывает на похожую формулировку, предложенную Р. Лакоффом: «вовлеченность – это эмоциональная связь, интерес и участие» [14, с. 49]. По мнению Н. Бесниер, предложенные дефиниции социолингвистического термина имеют много общего с тем же понятием в западной психологии, где вовлеченность считается синонимом к «поглощенный», «обеспокоенный», «эмоционально привязанный» [6, с. 281]. Автор статьи размышляет на тему, является ли вовлеченность характеристикой одного человека, социальной группы, контекста или дискурса. Многие социолингвисты полагают, что вовлеченность касается межличностных, интерактивных или разговорных аспектов поведения. Исследователь обращает внимание на то, что понятие «межличностная вовлеченность» и «вовлеченность» часто взаимозаменяемы, приводя в пример научные изыскания Д. Таннен [16]. С другой стороны, в работах В. Шафе подчеркивается, что вовлеченность может иметь три вида [10, с. 116–117] (цит. по: [6, с. 284]). Во-первых, человек может быть заинтересован собственными проблемами, тем самым продуцируя дискурс, в первую очередь, сконцентрированный на самом себе. Во-вторых, адресант может быть сосредоточен в большей степени на нуждах адресата или на самом процессе интеракции. В-третьих, вовлеченность может быть сфокусирована на самом дискурсе, как в случае с рассказчиком и аудиторией, поглощенной повествованием. Предположительно, третий вид вовлеченности потенциально характеризует как говорящего, так и аудиторию. В определенных контекстах три вида могут быть неразрывно связаны друг с другом [17, с. 139–140], а также оказывать значительно противоречивый эффект на дискурс или экстрадискурсивный интеракционный контекст. В качестве примера Н. Бесниер приводит ситуацию, где имеет место самововлеченность говорящего при индифферентности к собеседнику и отсутствию вовлеченности в интерактивный контекст. В целом исследователь подчеркивает, что проблема разных видов вовлеченности и их последствия остаются практически неизученными.

Автор статьи также поднимает вопросы, касающиеся отношений между лингвистической формой и вовлеченностью как категорией лингвистического значения. Существуют определенные стратегии вовлеченности, такие как местоименные ссылки, повторения, косвенная речь. Следовательно, если человек часто использует данные стратегии при построении дискурса, можно говорить о высокой степени его вовлеченности в дискурс или интеракцию. Обращается внимание на то, что мало внимания уделяется экстралингвистическому контексту интеракции. Вызывают вопросы отношения между лингвистической формой и социальным значением. Н. Бесниер приводит пример ситуации, когда собеседники могут быть поглощены определенными аспектами коммуникативной ситуации, но никак не демонстрировать такую вовлеченность наглядно с помощью языка. Это не значит, что участники интеракции демонстрируют таким образом индивидуалистично мотивированную неискренность. Возможно, что такое поведение продиктовано нормами общения в данной культуре, где типичным считается низкая степень вовлеченности. Лакофф описывает случаи возникновения сложностей, когда люди, стиль поведения которых характеризуется высокой степенью вовлеченности, общаются с людьми противоположного стиля. Из-за того, что первые имеют тенденцию много говорить, они доминируют в коммуникативном процессе и воспринимают собеседников, чей стиль общения характеризуется низкой степенью вовлеченности, как скучных и пассивных. В свою очередь последние считают первых доминирующими и невежливыми [14, с. 50] (цит. по: [6, с. 292]).

Автор сомневается, можно ли отнести вовлеченность к отдельной категории и дать точное определение данного явления. Он относит вовлеченность к эмоциональности и рассуждает о том, что отношения между лингвистической формой и эмоциональностью неразрывно связаны с социальным и культурным контекстом.

Проведенный анализ научной литературы позволил сделать следующие выводы:

1. Вовлеченность противоположна отказу от общения по своей векторной направленности.

2. Понятие «вовлеченность» в контексте межличностной коммуникации исследуется с двух позиций. В широком смысле – а именно с позиции участия, задействованности, неравнодушия в отношениях и того, какое отра-

жение находит такое участие в коммуникативном процессе, включая его коммуникативные проявления. С другой стороны, в более узком понимании можно рассматривать вовлеченность через призму конкретного коммуникативного процесса, как отдельную лингвистическую категорию.

3. Вовлеченность в коммуникацию неразрывно связана с такими понятиями, как «коммуникативная компетенция» и «позитивная коммуникация», и измеряется с помощью таких параметров, как внимательность, восприимчивость, реагирование, спонтанность, управление интеракцией, экспрессивность, социальное беспокойство, альтерцентризм. Данные параметры можно отнести к составляющим исследуемого понятия.

4. Существует ряд вербальных и невербальных средств, подтверждающих уровень вовлеченности той или иной степени, однако их наличие и актуализация в коммуникативном процессе обусловлены социально-культурными нормами и личностными особенностями коммуникантов.

Перспективу исследования составляет дальнейшее изучение вербальных и невербальных средств выражения вовлеченности в коммуникацию, а также ее структурных составляющих.

Список литературы

1. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М. : Ин-т социологии РАН, 2003.
2. Гофман И. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу. М. : Смысл, 2009.
3. Гуляева М.А. Отказ от общения как составляющая межличностной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013.
4. Леонтович О.А. Позитивная коммуникация. Постановка проблемы // Вестник РУДН. Сер. : Лингвистика. 2015. № 1. С. 164–176.
5. Bell R. A. Conversational involvement and loneliness//Communication Monographs. 1985. № 52. P. 218–235.
6. Besnier N. Involvement in linguistic practice: An ethnographic appraisal // Journal of Pragmatics. 1994. № 22. P. 279 – 299.
7. Cappella J. N. Conversational involvement: Approaching and avoiding others // Wiemann J.M. & Harrison R.P. (eds.). Nonverbal interaction. Newbury Park, CA. Sage, 1983. P. 113–148.
8. Cegala D. Interaction involvement: A cognitive dimension of communicative competence// Communication Education. 1981. № 30. P. 110–121.

9. Cegala D. J., Savage, G. T., Brunner, C. C., & Conrad, A. B. An elaboration of the meaning of interaction involvement//Communication Monographs. 1982. № 49. P. 229–248.

10. Chafe Wallace L. Linguistic differences produced by differences between speaking and writing // Olson David R., Torrance Nancy and Hildyard Angela. (eds.). Literacy, language and learning: The nature and consequences of reading and writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 105–123.

11. Coker D., Burgoon J. The nature of conversational involvement and nonverbal encoding patterns// Human Communication Research. 1987. № 13. P. 463–494.

12. DeVito Joseph A. The interpersonal Communication Book. Longman, 2001.

13. Goffman E. Interaction Ritual. N. Y.: Doubleday, 1967.

14. Lakoff Robin T. Talking power: The politics of language in our lives. N. Y.: Basic Books, 1990.

15. Spitzberg B.H. & Cupach W. R. Interpersonal communication competence. Newbury Park, CA Sage, 1984.

16. Tannen D. Relative focus on involvement in oral and written discourse // Olson David R., Torrance N., Hildyard A. Literacy, language and learning: The nature and consequences of reading and writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 124–147.

17. Tannen Deborah. Talking voices: Repetition, dialogue and imagery in conversational discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

18. Villaume W.A. & Cegala D.J. Interaction involvement and discourse strategies: The patterned usage of cohesive devices in conversation// Communication Monographs. 1988. №55. P. 22–40.

19. Weaver II R.L. Understanding Interpersonal Communication. Allyn & Bacon Incorporated, 1996.

20. Wood J. T. Interpersonal Communication. Everyday encounters. Wadsworth, 2004.

* * *

1. Gofman I. Analiz frejmov: jesse ob organizaciji povsednevnogo opyta. M. : In-t sociologii RAN, 2003.

2. Gofman I. Ritual vzaimodejstvija. Oчерки povedenija licom k licu. M. : Smysl, 2009.

3. Guljaeva M.A. Otkaz ot obshhenija kak sostavljaushhaja mezhlichnostnoj kommunikacii: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2013.

4. Leontovich O.A. Pozitivnaja kommunikacija. Postanovka problemy // Vestnik RUDN. Ser. : Lingvistika. 2015. № 1. S. 164–176.

Theoretical foundations of study of involvement in communication

Involvement in communication is interpreted as the level of the cognitive and behavioural participation in the communicative process. The phenomenon under consideration is closely connected with such notions as “communicative competence” and “positive communication”, being a structural component of both and, thus, becoming the key component in the issues of effective communication and human relations. The article is devoted to the level of scrutiny of the issue.

Key words: *involvement in communication, communicative competence, positive communication, interpersonal communication.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

В.И. СУПРУН, Е.В. БРЫСИНА
(Волгоград)

ДЕЗАФФРИКАЦИЯ В ДИАЛЕКТНОМ КОНСОНАНТИЗМЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПА ВОСХОДЯЩЕЙ ЗВУЧНОСТИ*

Рассматриваются случаи дезаффрикации в русских народных говорах. Начало этого процесса определяется праславянской эпохой, когда исчезли звонкие аффрикаты. Причина исчезновения смычного элемента в аффрикатах заключается в принципе восходящей звучности, основополагающем для состава слога в праславянском языке.

Ключевые слова: *аффриката, дезаффрикация, принцип восходящей звучности, щёлканье, соканье.*

Русская народная речь содержит в своём составе факты и явления, восходящие к ностратическому, праиндоевропейскому, праславянскому, древнерусскому периодам развития

* Исследование выполнено в рамках проекта №16-04-18006 «Современные процессы в говорах территорий позднего заселения: диалектологическая экспедиция в Ольховский район Волгоградской области (Романовка, Липовка, Ягодное)», поддержанного РГНФ.